

ЕЛЕНА СОЗИНА

Уральское отделение Российской академии наук
Институт истории и археологии
Сектор истории литературы
620990 Екатеринбург
ул. С. Ковалевской, 16

«ЗЫРЯНСКИЙ ФАУСТ» КАЛЛИСТРАТ ЖАКОВ: НАЦИОНАЛЬНОЕ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

‘THE ZYRIAN FAUSTUS’ KALLISTRAT ZHAKOV: THE NATIONAL AND THE UNIVERSAL

В статье рассматривается творчество оригинального коми поэта, писателя, философа и ученого Серебряного века Каллистрата Жакова. Выявляются направления интеграции им образов и символов мировой, а также и русской культуры с национальным материалом коми фольклора и мифологии. В ранних стихах Жакова выявляются связи с символикой индуистской философии и религии. Отмечается место Жакова в «языческом ренессансе» России начала XX в. Выделяется типология героев Жакова, связанная с его историософской космологической моделью и сориентированная, главным образом, на русскую литературу.

Ключевые слова: коми писатель, историософия, поэтическая космология, типология героев.

The paper presents the creative works by Kallistrat Zhakov – a Komi poet, writer, philosopher, and scholar of the Silver Age. The author investigates the ways in which Zhakov integrated images and symbols belonging to the world culture and Russian culture with the native Komi folklore and mythology. The connections of Zhakov’s earliest poems with the symbols of Hindu philosophy and religion are identified. Zhakov’s place in the Russian “pagan renaissance” of the beginning of the 20th century is indicated. The author reconstructs the typology of Zhakov’s characters which, being connected with his philosophical cosmological model of history, is primarily oriented on Russian literature.

Keywords: Komi writer, historical philosophy, poetic cosmology, typology of characters.

Каллистрат Фалалеевич Жаков (1966–1926) – крайне значимая фигура в литературе Коми – небольшого народа, живущего на северо-западе России, в краю лесов и рек. Его жизнь и творческое развитие пришлось на Серебряный век – время, судьбоносное для всей России, ставшее источником и синтезатором многих культурных идей и сюжетов литературы всего

последующего XX столетия. Жаков был известен в свое время: самобытный философ, он стал творцом философско-религиозной системы, названной им самим лимитизмом; работал в Психоневрологическом институте В. М. Бехтерева, в 1911 г. там же получил звание профессора, а следовательно, был профессиональным психологом и логиком, но также занимался математикой и астрономией. Именно Жакову принадлежит честь введения своего народа в мировую культуру, он открывал русскому читателю мир зырянского Севера, он сам собирал и творил национальную мифологию коми. В 1901 г. одним из первых он опубликовал в журнале «Научное обозрение» статью о мифологии своего народа – *Языческое мирозерцание зырян*, написанную на основе этнографических экспедиций, которые он совершал в конце 90-х гг. на родину. Однако сам Жаков считал себя в первую очередь поэтом и сказочником, в автобиографической книге дал себе имя Гараморт, т. е. человек, наделенный памятью прошлого.

Жаков – это удивительный и поучительный пример соединения самосознания коми художника и художника, ощущающего свою причастность мировой культуре, наделенного тоской по культуре: «гражданин мира» и сын своего отечества, своей малой родины. Хотя нельзя сказать, чтобы эта интеграция происходила в нем гармонично и безболезненно. В автобиографическом романе *Сквозь строй жизни*, он пишет:

Ступил я на путь, где ждали меня великие бедствия, отошел я от берегов первобытной жизни и не дошел до ворот истинной культуры. Всю жизнь плыву посередине. Безумствам моим не было конца и ошибкам нет счету¹.

Однако привязанность и любовь к родному Северу, по мысли автора, сильнее его ошибок и заблуждений:

И вот теперь опять мечтою моею я между твоими сосновыми избушками, снова переживаю мое детство. [...] Любезные дети севера! И на иных мирах не забуду я вас, ваши образы питают мою душу, очищают мой темнеющий разум, омывают затемненный мир в моих глазах и покрывают его свежими красками².

Соплеменник Жакова Василий Васильевич Налимов, известный своими трудами и сочинениями ученый, дал чрезвычайно точную характеристику той социальной формации, из которой вышел его отец – замечательный этнограф первых десятилетий XX в. Василий Петрович Налимов, а также и наш герой К. Ф. Жаков:

Русская интеллигенция прежних дней формировалась своеобразно. Первый ее эшелон вышел из служилого, чаще всего военного дворянства; второй – из разночинцев. Про оба

¹ К. Ф. Жаков, *Сквозь строй жизни*, Сыктывкар 1996, с. 41.

² Там же, с. 25.

эти слоя говорили, что они беспочвенны – не имеют корней в своем собственном народе. В конце прошлого и начале нашего века стал выходить на поверхность третий эшелон – почвенный, идущий из самого народа: из многонародья нашей страны. Может быть, именно в этом проявлении было что-то судьбоносное – в русскую культуру стали входить инородцы, не прошедшие роковую для нашей страны школу азиатского деспотизма³.

Он неоднократно подчеркивал свои истоки – родился в деревне Дав неподалеку от Усть-Сысольска, сын резчика Фалалея, но – заметим – его отец, как и герой автобиографических произведений (романа и ряда рассказов) творил иконостасы в деревенских церквях. Христианство, как известно, – одна из универсальных религий, для нее несть эллина или иудея, нет различия в национальностях, все покрывает имя Христово. И сам Жаков, получив образование в Петербурге, успел поучиться в Киеве, объездил всю Россию, а умер в Латвии, оставив своим ученикам Всемирную академию лимитизма. «Зырянский Фауст» – его закрепившееся в литературе имя. Почему Фауст? Неустанная страсть к познанию, неуспокоенность духа, вечные сомнения, проявившиеся уже в его ранних стихах:

Какой-то огонь сжигает сердце мне. [...]
Осветите вы путь
Мне, идущему в мировом пространстве
От неведомого к непознанному. [...]
Вселенная во мне и я ищу слова,
Чтобы по имени назвать ее⁴.

В этих стихах ярко выразился характер лирического героя Жакова, по автохарактеристике которого «Песни и слезы – сущность моя». Главнейшая антиномия творческого сознания поэта – недостижимость Идеала, Абсолюта, именуемого им впоследствии Пределом или Первопотенциалом: так назовет он высшее начало в своей философии, что определит пафос не только его художественного творчества, а и созданного им учения лимитизма. Но обратим внимание, что стихи Жакова (фактически это была его первая художественная публикация) напечатаны в *Зеленом сборнике стихов и прозы* 1905 г. рядом со стихами Юрия Верховского, Владимира Волькенштейна, Михаила Кузьмина. Во всех них центральными являются мотивы романтического двоемирия, прапамяти, воспоминания о себе другом, в другой жизни (*Я нынче расскажу тебе о том, как умирал я... Ю. Верховский; Быть может я уже лишь смутный призрак... И словно две я жизни пережил...* Вл. Волькенштейн), эти мотивы будут неоднократно звучать в последующих

³ В. В. Налимов, *Канатоходец: воспоминания*, Москва 1994, с. 28.

⁴ К. Жаков, *Песни Пама-Бур-Морта*, [в:] *Зеленый сборник стихов и прозы*, Санкт-Петербург 1905, с. 56.

произведениях Жакова. Ранние же стихотворения Жакова заслужили похвалу Александра Блока как «пантеистические стихи»⁵, ибо духовное начало, само лирическое «я», выраженное в них, растворено во Вселенной и переживает свое единство с началом мировым, космическим. Однако пантеизм Жакова имеет совершенно особый характер, что и хотелось бы показать в дальнейшем.

Стихотворение Жакова двухмерно. Первая часть развивает картину вечно живущего и вечно меняющегося космоса. Именуемые здесь поэтом основы мироздания – Природа, сменяющаяся Веществом, которое «зовёт в бесконечность», затем Материя, исполненная разнообразия, царствующая «в чертоге светлого пространства», и все они изливают потоки огня, «аккорды звуков», «гармонии линий», и к этой первичной стихии, созидатель и разрушающий миры, обращается на «ты» лирический герой, точнее, пока только лирический голос поэта. Скорее, это даже не первостихия – это именно некий первопринцип мира, или Первопотенциал (используя словарь самого Жакова). Законы его «неизменны», но «бесконечно разнообразны ... покровы», – примерно как у поэта-романтика начала XIX в. Василия Андреевича Жуковского: «И разновидное с единством согласила!»⁶. Однако рядом с ним и из него – из этой первостихии, Первопринципа, являет себя лирический голос, лирическое я поэта, через которое сама Материя, сам Первопринцип познает и видит себя:

Моя сущность и Твоя – одно:
Я – удивление Твое перед Тобой,
Твои слова, твое сердце...
Через меня Ты взглянула на Себя⁷.

Лирическое «я» поэта можно представить и как воплощение всего земного человечества, а рисуемого им «собеседника» (Первопринцип) – не просто как пантеистическое отражение гегелевского, или всеобще-философского, Абсолюта, но... как Брахму, высший принцип и одновременно Вселенную, каждый день или ночь которого знаменует рождение и смерть мириадов миров. Наше суждение не беспочвенно. В работах Павла Федоровича Лимерова⁸ прослежено взаимодействие Жакова с философией брахма-

⁵ А. Блок, *Зеленый сборник. Стихи и проза*. Кн. Изд-во «Щелканово». СПб., 1905 г., «Вопросы жизни» 1905, № 7, с. 215–216.

⁶ В. А. Жуковский, *Невыразимое*, [в:] он же, *Избранное*, Москва 1986, с. 99.

⁷ К. Жаков, *Песни Пама-Бур-Морта...*, с. 54.

⁸ П. Ф. Лимеров, *Репрезентация религиозно-философских взглядов К. Ф. Жакова в книге «На север, в поисках за Памом Бур-Мортом»*, [в:] *Литература Урала: история и современность*. Сб. ст., вып. 7: в 2-х тт., Екатеринбург 2013, т. 2, с. 251–260; П. Ф. Лимеров, Е. К. Созина, *Художественный мир К. Ф. Жакова*, [в:] *Пермские литературы в контексте финно-угорс-*

низма, наиболее последовательно отразившееся в книге писателя *На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом* (1905). Стихи Жакова в *Зеленом сборнике* имеют название *Песни Пама-Бур-Морта*, где Пам Бур-Морт (Бурморт) – волхв, колдун, защитник отеческой религии коми, не сумевший победить Стефана Пермского и скрывшийся в лесах с победой христианства: фигура вполне историческая, но получившая у Жакова поэтическое истолкование. «Моя смерть – минутная дремота твоя», – читаем мы в первой части стихотворения обращение к Божеству, а во второй это высшее начало получает имя: «Чудесные перлы на синем плаще Парабрамы, / Вы все отразились в моих глазах». Согласно учению брахманизма, космос создается Брахмой⁹ из первичного вещества – Пракрити, и это объясняет «стихийный материализм» поэта, появление в начале его стихов именно Вещества, родственного Материи и Природе.

Субъективное и объективное начало в брахманизме – одно, мир и душа едины и тождественны друг другу. Однако во второй части «песен» Жакова его лирическое я отдаляется от своего создателя, т. е. фактически от самого себя – оно стремится обрести

[...] слово,
Чтобы мог я перелить
Из души моей в другие сердца –
Мечты, до дна волнующие душу мою¹⁰.

Лирический голос становится подлинным «я», мало того – здесь это «я» проявляется как лирический герой, странник, идущий «в мировом пространстве / От неведомого к непознанному». В поисках слова, в тоске по слову жаковского героя – а по сути, его автогероя – меняется образность стихотворения. В светоносном космическом пространстве, где пребывает герой, возникает «неведомое дерево» с золотой листвою, с неземными плодами, – дерево-Брахма, о котором, в частности, говорится в *Бхагавад-гите*:

кой культуры и русской словесности. Коллективная монография, науч. ред. Т. А. Снигирева, Е. К. Созина, Екатеринбург – Ижевск – Сыктывкар 2014, с. 349–398.

⁹ «Брахма теологической философии брахманизма не личный бог, не творец и владыка мира, существующий отдельно от мира, а всепроницающая жизненная сила, духовный элемент, проявляющий себя природою и в ней имеющий свое существование; это продукт рефлексии, не имеющий человеческого чувства, потому индифферентный к судьбам людей». – Н. Кареев, *Учебная книга древней истории*, [Электронный ресурс] <http://rushist.com/index.php/istoriya-indii/1677-brakhmanizm> [10.04.2015].

¹⁰ К. Жаков, *Песни Пама-Бур-Морта...*, с. 56.

Господь, Верховная Личность Бога, сказал: Говорят, что на свете есть нетленное дерево баньян, корни которого устремлены вверх, а ветви вниз; его листья – ведические гимны. Познав это дерево, живое существо познает Веды¹¹.

Хотя Мировое дерево присутствует во многих религиозных и мифологических системах человечества, но здесь его образ «подсоединяется» к системе индивидуальной поэтической мифологии Жакова, в подтексте которой – индуистские симпатии автора. О недоступности плодов с этого древа страдает лирический герой стихотворения:

О если бы упал на меня один лист,
Один плод неземной,
Изменилась бы душа моя,
Мечты иные излились бы из груди,
Глубокой рекой протекла бы мысль моя
По кругу земному¹².

Таким образом, стихотворение завершается выражением некоего конфликта лирического сознания поэта, в романтической традиции имеющего форму «невыразимого», а в философской принимающего вид базисного онтологического конфликта – извечного диссонанса человека и «абсолютно-бесконечного Универсального Множества» (Михаил Аркадьев¹³). По-видимому, этот конфликт стал двигателем творческого сознания Жакова: попытку его разрешения мы наблюдаем в учении его о лимитизме, когда человек в своей жажде познания вечно движется к некоему недостижимому пределу – первопричине вещей, Первопринципу¹⁴, а также в его историсофии, вобравшей в себя много философских и религиозных идей предшественников.

Как известно, на рубеже веков для европейской интеллигенции Индия была заветной страной мечты и идеала, мыслилась и воображалась прародиной человечества, ее открывали книги Елены Блаватской, позже ее изобразительно воспели Рерихи. Но Жаков выстроил на основе элементов индуистской философии свое учение, и это позволяет говорить о его оригинальности и несводимости к расхожим идеям и настроениям современников. П. Ф. Лимеров полагает, что связующим звеном между Жаковым и индуизмом явилась его комиетничность¹⁵ – его привязанность к родной

¹¹ *Бхагавад-гита*, гл. 15, текст 1, комментарий Его Божественной милости Бхактиведанты Свами Прабхупады, [Электронный ресурс] <http://www.ruzov.ru/> [10.04.2015].

¹² К. Жаков, *Песни Пама-Бур-Морта...*, с. 56.

¹³ М. А. Аркадьев, *Конфликт ноосферы и жизни (Эскизное введение в фундаментальную структурно-историческую антропологию)*, [в:] *Ноосфера и художественное творчество*, ред. Н. В. Злыднев, Вяч. И. Иванов, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян, Москва 1991, с. 74–87.

¹⁴ О лимитизме Жакова см.: И. В. Федорович, *Эволюционная философия К. Ф. Жакова*, «Арт/Лад» 2006, № 2, с. 114–126.

¹⁵ П. Ф. Лимеров, Е. К. Созина, *Художественный мир К. Ф. Жакова...*, с. 388–389.

почве, выразившаяся, в частности, в попытке воскресить язычество народа, пантеон древних коми богов. Космический пантеизм Жакова, явленный в ранних стихах, недаром открывался обращением его героя к Природе, «матери и учительнице», – ведь языческая религия вырастает именно на базе антропоморфизации и обожествления природных сил и стихий.

Одним из сильнейших духовных движений русской интеллигенции в начале века был языческий ренессанс, и в него прекрасно вписывается творчество Жакова. В частности, обнаруживается прямая параллель между литературным мифом Жакова *Ен и Омель*, который он сам обозначил как «космогонический миф Севера» (опубликован в 1910 г. в «Вестнике знания»), и стихотворением Алексея Ремизова *Омель и Ен* (опубликован в 1905 г. в альманахе «Северные цветы Ассирийские»). А. Ремизов в 1903 г. был в ссылке в Усть-Сысольске, где у него и возник цикл под условным названием Зырянский мир, позднее получивший название *Полунощное солнце*. По поводу своей сказки о зырянских богах он прямо указывал на ее источник:

Книги и рассказы просвещенных зырян: книги К. Ф. Жакова и рассказы В. П. Налимова дали мне ту шапку-невидимку, в которой я сам на свой страх пошел по лесам и полям странной зырянской земли, как странна медноликая белая зырянская ночь¹⁶.

Возможно, поэмы Ремезова вызвали и у Жакова желание написать свой вариант сказки-мифа о зырянских богах, более пространный и включающий в себя его собственную историософскую модель о рождении и закономерной гибели миров. Благодаря использованию коми мифологии Ремизовым она вошла, что называется, в культурный оборот России, хотя стоит добавить, что в тогдашних толстых журналах публиковали статьи и материалы о язычестве не только Жакова (и В. Налимова) и не только коми: тема была, что называется, на слуху.

Статью о творчестве Жакова его известный соотечественник Питирим Сорокин назвал *Грезы Севера*. Он отмечал:

Мистицизм, близкий к пантеизму, брызжит в каждом рассказе [Жакова – Е. С.] и вводит нас в какой-то иной мир, отличный от мира трех измерений¹⁷,

– и этот мистицизм, полагал он, свойствен большинству северных художников: Ибсену, Гамсуну, Уайльду, Лонгфелло. Иначе говоря, весьма существенными чертами своего мирозерцания Жаков был открыт северному

¹⁶ А. М. Ремизов, *Северные цветы. В царстве полунощного солнца, комментарий*, [в:] он же, *Собрание сочинений*, Москва 2000, т. 3, с. 600.

¹⁷ П. А. Сорокин, «Грезы Севера» (К. Ф. Жаков. «На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом», «В хвойных лесах», «Из жизни и фантазии», «Очерки из жизни рабочих и крестьян на Севере»), «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера», журнал жизни Северного края, т. 3, Архангельск 1910, № 17, с. 37.

ландшафту, северному типу сознания: здесь проходит еще одна возможная координата его творчества, не вполне и не чисто национальная. Север был мощным очагом притяжения и фантазии для многих художников начала века, паломничество на Север совершали как в отечественную Индию – с тем же трепетом и ожиданием внутреннего преображения. Но характерно, что, создавая свои северные рассказы и сказки, Жаков опять-таки осуществлял синтез, интеграцию национального материала, коми фольклора и мифологии (которые он подчас «на ходу» творил сам) и уже не столь всечеловеческих, в частности индуистских, сколько русских образов и типов. Свой национальный материал он вливал в готовые модели общерусской, общероссийской культуры, так что зачастую обнаруживается перекличка произведений Жакова и современных ему писателей. Причем типология героев Жакова определялась его историософией, т. е. его представлениями о развитии мира, Вселенной и человечества.

Мне уже приходилось писать о том, что в творчестве Жакова разворачивается универсальный поэтический миф, имеющий эсхатологический характер и вписывающий развитие Земли в космическую систему¹⁸. По историософской традиции, миф этот трехчастен. Первая его стадия – это Золотой век, оставшийся позади и реконструированный писателем в мифологии своего народа, в обращении к патриархальной жизни человека на лоне лесов. Это языческий, дохристианский мир, когда человек жил в родстве с природой, люди и природа находились в гармонии, в естественном равновесии, и «старые боги», боги природы, охраняли и корректировали людей. Распад мирового целого составляет вторую, собственно историческую стадию основного мифа Жакова, он прописал ее в сказках-мифах, среди которых одна из наиболее выразительных – *Бегство старых богов*, а само историческое существование человечества – в реалистических рассказах о жизни современной ему северной деревни с нарушенным патриархальным бытом. Сюжет деградации мира определил композицию ряда сборников Жакова, что осознавал он сам. Так, в предисловии к книге *Очерки из жизни рабочих и крестьян на Севере* он пишет:

Настоящая книжка представляет собою три небольших рассказа, являющихся результатом моих многолетних скитаний по Северной России. В Пильване пытался я изобразить простую патриархальную, далекую от культурных центров жизнь зырянину-земледельца с его наивным мирозерцанием, бесхитростной моралью, с его органической близостью к матери-природе. *На Богословский завод* – картины нарушенной патриархальности, ломающегося мировоззрения... Последний рассказ *Холуницкий завод* – жизнь заводская как постоянная форма существования оторвавшихся от земли людей,

---

¹⁸ Е. К. Созина, *О творческой мифологии Каллистрата Жакова в культурном контексте рубежа XIX–XX вв.*, «Уральский исторический вестник» 2011, № 4 (33), с. 13–18.

переживших уже старое мировоззрение, которые вышли уже окончательно на новую дорогу и частью погибли, частью вырабатывают себе новый уклад жизни...¹⁹.

Отсюда, третья и заключительная стадия мировой мистерии по Жакову – это своего рода постисторические формы существования земли и человечества, описанные им в космологическом ключе. Земля постепенно стареет, остывает и превращается в потухшую звезду, каких много в космосе, закономерно на ней гаснет и жизнь. Однако, несмотря на умирание жизни, растворение в пространстве тела, душа или дух остается жить вечно, лишь меняя свою «оболочку». Как природа живет в ритме вечных возвращений, чередований «умирания и воскресения», так в них же живет душа. Поэтому любимые герои Жакова когда-нибудь проснутся на других планетах: Фалалей, Пильвань и др. Типичен финал произведений Жакова, рисующих жизнь его бесхитростных земляков, снимающий драматизм их судеб и служащий своего рода катарсисом исполненной диссонансов и трагических случайностей человеческой истории:

И спят теперь Фалалей и Устинья за селом, около мельницы, в березовой роще, на кладбище, спят милые, безгрешные, праведные люди в ожидании конца жизни великой земли. Конец будет и грехам ее, и начнется новая жизнь на солнце, которое будет планетой, вращающейся около звезды Вега, и там Мамант обнимет вновь друзей своих в лучах нового солнца²⁰.

Каждому этапу развития человечества соответствует не только определенная жанровая ориентация произведений Жакова, в которых эта стадия запечатлена, но и соответствующие типы героев. Люди «золотого века» – это эпические богатыри: охотник Максим, дядя Нялай, Парма Степан, идиллические персонажи типа Фалалея и Пильвана, почти сошедшие с лица земли, а также герои произведений «фантазийного» типа, т. е. рассказов, написанных в жанре легенд и преданий, по мотивам фольклора коми: атаман Шипича, Туннырьяк, Майбыр, Бурмат и др. Все они – наследники великого волхва Пама Бурморты, и поэтому герои-богатыри чаще всего живут в условном мире язычества, они «лесные люди». Зачастую в их описании у Жакова обнаруживаются черты, общие со сказочными богатырями русского фольклора, что можно объяснить по-разному, в частности, – наличием в русском «субстрате» сильной финно-угорской составляющей. В этой группе персонажей выделяются два основных и достаточно традиционных как для русской, так и для мировой культуры типа, о них писал еще П. Сорокин:

¹⁹ К. Ф. Жаков, *Очерки из жизни рабочих и крестьян на Севере*, Санкт-Петербург 1906, с. 3.

²⁰ К. Ф. Жаков, *Под шум северного ветра*, Санкт-Петербург 1913, с. 28.

Тип «непротивленца», спокойно любующегося миром и спокойно выполняющего то, что он считает своим долгом, именно, проповедь любви и сострадания, и тип хищника, буйного, исполненного отваги и силы и достигающего своей цели через трупы других²¹.

Аналогичные типы мы встретим в творчестве многих русских классиков: Александра Пушкина, Ивана Тургенева, Федора Достоевского, Льва Толстого, Антона Чехова, Ивана Бунина. Оригинальность Жакова состоит в том, как представлены эти персонажи: в его опоре на национальную модель мира, лирико-поэтической манере повествования, пронизанной верой автора в то, что уход богатырей с мировой сцены – не навсегда.

Люди второй стадии, аналогичной стадии «цивилизации» в историческо-философской модели Ф. М. Достоевского (имеется в виду незаконченная статья писателя *Социализм и христианство* из его записных книжек 1864 г., о которой Жаков вряд ли знал), отравлены ядом культуры и даже если живут вдали от нее, не находят себе покоя в жизни. В статье *Мировая грусть и пессимизм нашего времени*, пытаясь ответить на вопрос о причинах возникновения мировой тоски, Жаков обращается к «учению индусов» – более предпочтительному для него, чем «учение евреев». Разочарование в делах Браммы породило мировую грусть²², – пишет он. Проследившая далее линию развития пессимизма, он видит его центральными проявлениями в последней литературе творчество Чехова и Леонида Андреева, в философии – Шопенгауэра и Гартмана. Русская действительность, русская природа особенно располагают к пессимизму, и единственный выход из него, по Жакову, это эволюционная философия и религия.

Смерть планет и людей есть переход к высшему. Луны падают на планеты, планеты на солнца только для того, чтобы образовалась еще высшая среда для обнаружения жизни²³.

Ссылаясь на данные астрономии и используя ницшеанский концепт, но вкладывая в него свой – чисто эволюционистский – смысл, он заключает:

Начало человечества – углеродные соединения с потенциальной психикой, конец его – семья сверхчеловеков²⁴.

Если герои-богатыри Жакова фольклорны, то в его рассказах из современной городской цивилизации обнаруживаются персонажи, напоминающие то «лишних людей» русской классики XIX в., то декадентов,

²¹ П. А. Сорокин, *«Грезы Севера»...*, с. 36.

²² К. Ф. Жаков, *Мировая грусть и пессимизм нашего времени*, [в:] *В Киев! Что делали, видели и слышали в Киеве подписчики и подписчицы «Вестника знания», съехавшиеся на праздник своего единения (11–19 июня 1911 г.)*, Санкт-Петербург 1911, с. 108.

²³ Там же, с. 127.

²⁴ Там же, с. 128.

продолжающих традицию «лишних». Таков, например, учитель Нешатаев из рассказа *Из Иньвенских былей*, выламывающийся, подобно горьковским персонажам, из своей среды; так же, как у Горького, его изображение у Жакова имеет социальную аранжировку, но суть не в ней. Герой скучает в деревне, не видит смысла жизни и отправляется в Казань учиться, но его нигде не принимают. «Двери мира открыты не для вас», – получает он ответ от одного из профессоров. Возвратившись в деревню, герой не находит себе места, скука жизни томит его, полного сил и энергии, смерть притягивает, так что финал его предreshен: спустя время он был найден в лесу повесившимся.

Кроме светлого мира, окружающего нас, который мы мало понимаем и в котором так плохо умеем жить, есть еще темные бездны, называемые душой. [...] Там что-то таинственное совершается, часто ломающее всю нашу жизнь²⁵,

– констатирует повествователь. Таков же Назарьев (рассказ *На берегу Днепра*), имевший «душу неудачного философа» и также гибнущий от своей невозможности закрепиться в жизни.

Железные законы мира давят все живое. Бесконечная пустыня... пески, на котором рассыпаны временем человеческие кости... Ужасный мороз эгоизма, культуры, нервной жизни заледенил все источники живые²⁶,

– характеризует автор свою современность. Чисто модернистские мотивы при изображении «лесных людей» коми деревни прослеживаются в рассказах *Из дневника Александра Петровича Маслова*, *Старик Матвей* и др. Своеобразный закон соответствия существует между внутренним и внешним (невольная аналогия – строки Федора Тютчева «О, бурь заснувших не буди – / Под ними хаос шевелится!»). Темные бездны, темные страсти, живущие в душе, нарушают законы мира, а с ними ломают и человеческую жизнь. Но душевная жизнь темна и страшна для человека именно потому, что она находится под властью «железных законов», она не свободна. Метафора льда, сковывающего живое, наряду с пустыней сердца, появилась у Жакова еще в *Песнях Пама Бур-Морта* 1905 г., где отпадение от целого вызывает немоту героя, а с ней возникают «мороз сомнений» и «жар палящий фанатизма, / Иссушающий разум и сердце». Мотивы льда, мороза и пустыни – сквозные для художественной философии Жакова. Лед охватывает умирающую землю, которая закономерно превращается в пустыню в конце времен. В замерший, окаменевший город попадает герой Мили-Кили (новелла *Ей Морт*

²⁵ К. Ф. Жаков, *Под шум северного ветра...*, с. 104.

²⁶ К. Ф. Жаков, *Из жизни и фантазии*, Санкт-Петербург 1907, с. 20.

Мили-Кили из сборника *Из жизни и фантазии*). Картины гибели мира, рисуемые Жаковым в «фантазийных» рассказах, величественны и аллегоричны, сродни творениям символистов, и неслучайно в них соседствуют персонажи и элементы самых разных мифологических систем древности: коми баба-яга Йома и «изнеженный бог светлой Эллады» Пам, упоминаются «гимны Парабраме», а рядом – золова арфа, на которой играет Мили-Кили. Эклектизм Жакова имеет вполне осознанный, даже целенаправленный характер. В новелле *Звуки природы* он устраивает своеобразный смотр древних богов, «прежних властителей земли»:

Вон Индра, Шива и Брахма, и сам Ману – родоначальник смертных и бессмертных... за ними боги Эллады... гордого Рима, и боги всех прочих народов...²⁷.

Согласно индуистской философии, в настоящее время мир переживает кали-югу, нечто вроде «железного века», гибель его близка. Неслучайно и у Жакова изображение современности плавно переходит в прогнозирование-пророчество скорого конца земли. Увидеть его дано «простакам», представителям «юных», не искушенных ядом культуры народов, – за ними, полагал Жаков, будущее:

[...] приходит пора, когда на арену истории выступают новые народы и новые расы; они засияют своим оригинальным светом к тому времени, когда одряхлевшая Европа с наклоненной головой встретит свой закат, примирившись с судьбою²⁸.

В новелле Самоед Неве-Хеге, завершающей книгу *Из жизни и фантазии*, именно северный житель становится последним жителем земли, встречающим «Бога смерти». Таким образом, «юные» народы, принципиально неевропейцы, выступают как потенциальные представители новой расы будущего. Это Венулитто, Мили-Кили, Иван Долговязый, Миликар и др. персонажи сказок-фантазий Жакова. К ним можно присоединить автогероя Жакова – вечного странника по миру, поэта и сказочника:

Кто видит дела земные, кто плачет вместе с детьми, видя недостатки взрослых, кто тоскует о трагедии мира, о борьбе низших и высших сил, – как не поэт и сказочник? Пульс вселенной для кого бьется, как не для сказочника неба и земли, для кого мечты – действительность, и действительность – мечта!²⁹

²⁷ Там же, с. 98.

²⁸ К. Ф. Жаков, *Кнут Гамсун и основные мотивы его творчества*, [в:] К. Гамсун, *У врат царства: драма в четырех действиях*, пер. с норвеж. М. П. Благовещенской, со вступ. ст. проф. К. Жакова, Санкт-Петербург 1909, с. 18.

²⁹ К. Ф. Жаков, *Под шум северного ветра...*, с. 222.

Таким образом, творчество оригинального коми поэта и философа К. Жакова являет нам сплав разнообразных идей, мотивов, образов и символов, актуализированных в начале XX в. мощным движением культурного ренессанса, – всего огромного потенциала мировой, всечеловеческой культуры, объединенного Жаковым с национальным началом и направленного к пробуждению и развитию этносознания своего народа.

Библиография

- Аркадьев М. А., *Конфликт ноосферы и жизни (Эскизное введение в фундаментальную структурно-историческую антропологию)*, [в:] *Ноосфера и художественное творчество*, ред. Н. В. Злыднев, Вяч. И. Иванов, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян, Москва 1991.
- Блок А., *Зеленый сборник. Стихи и проза. Кн. Изд-во «Щелканово». СПб., 1905 г.*, «Вопросы жизни» 1905, № 7.
- Бхагавад-гита, гл. 15, текст 1, комментарий Его Божественной милости Бхактиведанты Свами Прабхупады, [Электронный ресурс] <http://www.ruzov.ru/> [10.04.2015].
- Жаков К., *Песни Пама-Бур-Морта*, [в:] *Зеленый сборник стихов и прозы*, Санкт-Петербург 1905.
- Жаков К. Ф., *Очерки из жизни рабочих и крестьян на Севере*, Санкт-Петербург 1906.
- Жаков К. Ф., *Из жизни и фантазии*, Санкт-Петербург 1907.
- Жаков К. Ф., *Кнут Гамсун и основные мотивы его творчества*, [в:] К. Гамсун, *У врат царства: драма в четырех действиях*, пер. с норвеж. М. П. Благовещенской, со вступ. ст. проф. К. Жакова, Санкт-Петербург 1909.
- Жаков К. Ф., *Мировая грусть и пессимизм нашего времени*, [в:] *В Киев! Что делали, видели и слышали в Киеве подписчики и подписчицы «Вестника знания», съехавшиеся на праздник своего единения (11–19 июня 1911 г.)*, Санкт-Петербург 1911.
- Жаков К. Ф., *Под шум северного ветра*, Санкт-Петербург 1913.
- Жаков К. Ф., *Сквозь строй жизни*, Сыктывкар 1996.
- Жуковский В. А., *Невыразимое*, [в:] он же, *Избранное*, Москва 1986.
- Кареев Н., *Учебная книга древней истории*, [Электронный ресурс] <http://rushist.com/index.php/istoriya-indii/1677-brakhmanizm> [10.04.2015].
- Лимеров П. Ф., *Репрезентация религиозно-философских взглядов К. Ф. Жакова в книге «На север, в поисках за Памом Бур-Мортом»*, [в:] *Литература Урала: история и современность*, сб. ст., вып. 7: в 2-х тт., Екатеринбург 2013, т. 2.
- Лимеров П. Ф., Созина Е. К., *Художественный мир К. Ф. Жакова*, [в:] *Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности*, коллективная монография, науч. ред. Т. А. Снигирева, Е. К. Созина, Екатеринбург – Ижевск – Сыктывкар 2014.
- Налимов В. В., *Канатоходец: воспоминания*, Москва 1994.
- Ремизов А. М., *Северные цветы. В царстве полуночного солнца, комментарий*, [в:] он же, *Собрание сочинений*, Москва 2000, т. 3.
- Созина Е. К., *О творческой мифологии Каллистрата Жакова в культурном контексте рубежа XIX–XX вв.*, «Уральский исторический вестник» 2011, № 4 (33).
- Сорокин П. А., «Грезы Севера» (К. Ф. Жаков. «На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом», «В хвойных лесах», «Из жизни и фантазии», «Очерки из жизни рабочих и крестьян на Севере»), «Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера», журнал жизни Северного края, т. 3, Архангельск 1910, № 17.
- Федорович И. В., *Эволюционная философия К. Ф. Жакова*, «Арт/Лад» 2006, № 2.